

Скачков Е. А.

Жанр: Ужасы

Сердца из Тени

Евгений Скачков Сердца из Тени

<https://litres.ru/73994109>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тихий городок у древнего леса погружается в кошмар: знакомый с детства мир превращается в ловушку. Шепот из звенящей тишины, исчезновение брата, тела подростков без сердец. Странные знаки сопровождают каждую смерть: удушливая жара, воющие собаки, кружащие вороны, мерцание в ночном небе. Главная героиня чувствует: лес больше не безопасен. Что-то древнее и голодное выбралось из бездны — и теперь выбирает следующую жертву.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сердца из Тени

Глава

Пролог: Шепот из бездны

Лес всегда был для нас чем-то большим, чем просто деревья и тропинки. Он был нашим убежищем от скучных уроков, нашей огромной игровой площадкой, где можно было строить крепости из валежника, и нашим секретным миром, где мы, подростки, впервые пробовали курить украденные у отцов сигареты и делились самыми сокровенными тайнами. Мы знали в нём каждый овраг, каждую поляну, поросшую земляникой, и каждое поваленное дерево, на котором так удобно было сидеть и смотреть на закат. Лес был живым, но он был нашим живым. Знакомым. Безопасным.

Но в последнее время лес начал шептать.

Это началось не с громких криков или треска веток. Это началось с тишины. С той самой ватной, звенящей пустоты, которая внезапно обволакивала тебя, стоило лишь отойти на пару шагов от опушки. А потом из этой тишины рождался звук. Сначала мы списывали это на ветер — сухой шелест прошлогодней листвы, скрип старых сосен. Но этот шепот

был другим. В нём не было слов, но был смысл. Он был похож на звук, который издаёт песок, пересыпаемый в стеклянной банке, или на тихий, утробный гул далёкого трансформатора. Он проникал не в уши, а сразу в голову, заставляя вибрировать кости черепа.

Шепот о том, чего мы не могли понять. О том, что заставляло наши сердца биться быстрее не от восторга перед красотой природы, а от первобытного, животного ужаса. Это был иррациональный страх темноты под кроватью, который вдруг обрел голос и выбрался наружу. Это был шепот из бездны, из места, где реальность истончается до состояния мокрой бумаги, а кошмары, веками копившиеся в коллективном бессознательном, обретают плоть и выходят на охоту.

Мой брат, Андрей, услышал этот шепот первым.

Ему было девятнадцать, и он всегда был более чувствительным ко всему странному. Он слышал то, что другие пропускали мимо ушей. Он замечал тени, которые двигались слишком быстро для обычных теней. Он говорил мне за неделю до своего исчезновения, что чувствует «неправильность» в лесу. Что деревья смотрят на него. Что по ночам он просыпается от ощущения чужого присутствия в комнате, хотя окно закрыто.

В тот вечер он пошёл в лес один. Просто прогуляться, как он сказал маме. «Мне нужно проветрить голову», — бросил он через плечо и ушёл в сгущающиеся сумерки. Я смотрела ему вслед и видела, как его фигура растворяется в серой дымке между стволами.

Он не вернулся.

Полиция искала его три дня. Собаки-ищейки привели к старой шахте за северным кладбищем и там потеряли след. Они прочесали каждый метр леса, но нашли только его телефон. Он лежал на мху у корней огромной ели. Экран был цел, но, когда его включили, на нём была лишь одна размытая фотография: смазанный кадр ночного леса и на его фоне — высокий, неестественно тонкий силуэт с двумя тусклыми точками вместо глаз.

А потом нашли тела.

Сначала троих ребят из параллельного класса. Потом ещё двоих. Всегда ночью. Всегда в лесу или на его окраине. И всегда — без сердец. Патологоанатомы разводили руками: грудная клетка была вскрыта с хирургической точностью, но вокруг не было ни капли крови, как будто главный орган просто испарился или растворился в воздухе.

Городок затих. Страх стал нашим постоянным спутником. Но это был не просто страх перед убийцей-человеком. Это было нечто большее. Мы все чувствовали это: после каждой новой смерти погода менялась, становясь удушливо-жаркой и безветренной; животные сходили с ума — собаки выли по ночам до хрипоты, а стаи ворон кружили над домами погибших; а в ночном небе над лесом начинали мерцать странные, пульсирующие огни, похожие на далёкое полярное сияние.

Я знала правду ещё до того, как нашла его дневник под половицей в его комнате. Я знала это по тому холоду, который сковывал меня каждый раз, когда я проходила мимо лесной опушки. Я знала это по шепоту, который теперь преследовал меня даже во сне.

Они были здесь.

И они были голодны.

Глава 1: Исчезновение

Андрея не было уже три дня. Для других это был просто срок, тревожное ожидание, за которым последует либо облегчение, либо официальное признание беды. Но для меня эти семьдесят два часа растянулись в бесконечную, вязкую вечность, где каждая минута была наполнена звенящей пу-

стотой и нарастающим ужасом. Полиция, эти уставшие мужчины в серой форме, лишь разводили руками. Они заполнили бланки, задали стандартные вопросы, покивали с сочувствием, которое было им привычно до автоматизма, и уехали. Их «мы делаем всё возможное» звучало как приговор. Они искали человека, который пропал. А я знала, что его не просто потеряли — его взяли.

Родители плакали. Мама заперлась в спальне и не выходила оттуда вторые сутки, её тихие всхлипы и приглушённые рыдания были единственным звуком в доме, от которого хотелось бежать на край света. Отец осунулся, почернел лицом и теперь часами сидел на кухне, глядя в одну точку на выцветшей клеёнке стола. Он не плакал. Его горе было сухим и тяжёлым, как могильная плита. Они были сломлены, раздавлены горем, и их боль была оглушающей, но пассивной.

А я... я чувствовала, как внутри меня, прямо под рёбрами, где раньше всегда было тепло от мысли о брате, растёт ледяная, острая злость.

Она была холоднее зимнего ветра и острее битого стекла. Эта злость выжигала страх, оставляя после себя лишь звенящую пустоту и одну-единственную цель: найти его. Андрей не мог просто так исчезнуть. Он был моим братом, моей тенью на школьных переменах, моим сообщником во всех дет-

ских проказах и единственным человеком в мире, который знал все мои секреты и любил меня вопреки им. Мы выросли вместе, делили одну комнату до его поступления в колледж, и даже когда он стал старше, эта невидимая связь никуда не делась. Он был моим лучшим другом.

И я знала его как саму себя. Он никогда бы не ушёл, не оставив записки. Он никогда бы не проигнорировал мамины котлеты или папин вопрос о машине. Он был ответственным до мозга костей.

Что-то случилось. Что-то ужасное.

Это знание жило во мне не как догадка или предположение, а как непреложный факт, высеченный на подкорке мозга. Я чувствовала это по тому, как замирало сердце каждый раз, когда звонил телефон. Я видела это в странных взглядах соседей, которые тут же отводили глаза. Я слышала это в неестественной тишине леса за нашим домом — той самой тишине из пролога.

И я знала, абсолютно точно знала: никто, кроме меня, не будет искать его по-настоящему.

Полиция будет ждать семьдесят два часа для официального старта поисков пропавшего без вести. Родители будут

ждать чуда. А я ждать не могла. Я должна была действовать.

В тот вечер я дождалась, пока отец уйдёт в гараж «поковыряться в моторе» — его способ сбежать от реальности, — а мама затихнет в своей комнате. Я поднялась в его спальню. Комната хранила его запах: терпкий аромат одеколona и старой бумаги. На столе лежал его ноутбук, открытый на странице социальной сети с мигающим уведомлением о том, что он «был в сети три дня назад». Это было как пощёчина.

Я начала методично обыскивать комнату. Я перетряхивала ящики стола, прощупывала матрас и заглядывала за каждую книгу на полке. Мои пальцы дрожали не от страха, а от лихорадочного нетерпения. Я должна была найти хоть что-то: зацепку, намек, причину.

Мои поиски увенчались успехом там, где я меньше всего ожидала — под шкафом с одеждой. Деревянная половица у самой стены чуть выступала вверх. Я с силой надавила на неё ногтями, и она со скрипом поддалась. В тёмной нише лежал один-единственный предмет — его старый блокнот в кожаной обложке.

Дневник.

Мои руки тряслись так сильно, что я едва смогла открыть

первую страницу. Записи были сделаны торопливым, нервным почерком, совсем не похожим на его обычный ровный стиль.

«Они здесь», — гласила первая запись недельной давности. — «Я слышу их в лесу. Не шаги. Не голоса. Шёпот на грани слышимости. Он проникает в голову».

Дальше — хуже.

«Вчера видел тень у реки. Она двигалась слишком быстро для человека и слишком плавно для зверя. Она просто перетекла из одного пятна мрака в другое».

Я перевернула страницу, чувствуя, как ледяная злость внутри меня начинает смешиваться с липким ужасом.

«Они питаются нами. Не плотью в привычном смысле. Они забирают что-то другое... что-то живое из груди».

Последняя запись была датирована днем его исчезновения.

«Я пойду туда сегодня вечером. Я должен понять, что это такое. Я должен остановить это прежде, чем оно заберёт кого-то ещё».

Слова расплывались перед глазами. Он знал. Он всё знал и пошёл туда один.

Я захлопнула блокнот и прижала его к груди так крепко, будто он мог согреть меня или защитить от того кошмара, который описывал Андрей. Ледяная корка моей злости дала трещину, выпуская наружу первобытный страх за брата и горячее желание отомстить тому, что посмело его забрать.

Я найду тебя, Андрей. Чего бы мне это ни стоило.

Глава 2: Странные звуки

Ночи стали невыносимыми. Сон, который раньше был спасением, теперь превратился в хрупкую, ненадежную материю, рвущуюся от малейшего шороха. Я лежала в своей кровати, натянув одеяло до самого подбородка, и вслушивалась в темноту. Дом, старый и скрипучий, всегда жил своей жизнью по ночам: потрескивали остывающие трубы отопления, гудел ветер в дымоходе. Но эти звуки были знакомыми, родными. То, что я слышала теперь, было чужим.

Сначала это были просто шорохи. Тихий, едва уловимый шелест, словно кто-то водил сухой веткой по оконному стеклу на первом этаже. Или глухой стук, похожий на падение

пишки с крыши. Я списывала это на ветер или диких животных — может, ёж пробирался через палисадник или соседский кот охотился на мышей. Я заставляла себя не обращать внимания, зарываясь лицом в подушку.

Но звуки не прекращались. Наоборот, они эволюционировали. Они становились более отчетливыми, более настойчивыми. Они меняли свою природу.

Это началось три ночи назад. Я проснулась не от резкого звука, а от его полного отсутствия. В доме воцарилась мертвая тишина, от которой заложило уши. А затем из этой тишины родилось оно: низкое, утробное гудение. Оно не было громким, но его вибрация проникала сквозь стены, пол и даже кости. Казалось, будто сам фундамент дома начал резонировать на какой-то нечеловеческой частоте. Гудение пульсировало: вввумм... вввумм... вввумм... Оно совпадало с ударами моего сердца, заставляя его биться в том же неестественном ритме. Это длилось минут десять и оборвалось так же внезапно, как и началось.

Прошлой ночью стало еще хуже.

Я уже почти провалилась в сон, когда услышала это. Тонкий, высокий звук. Он был похож на тот, который издает мокрый палец, если провести им по краю хрустального бо-

кала, но был гораздо более мерзким и настойчивым. Он то затихал до комариного писка, то нарастал до визга бормашины у дантиста. И источник этого звука был прямо за моим окном.

Я резко села на кровати. Сердце колотилось где-то в горле. Звук прекратился ровно в тот момент, когда я пошевелилась. Наступила оглушающая тишина. Я сидела, боясь вздохнуть, и всматривалась в темноту за стеклом. Там была лишь ночь и размытые силуэты ветвей старой яблони.

«Показалось», — попыталась я убедить себя. «Просто нервы».

Я заставила себя встать и подойти к окну. Холодный пол обжег босые ступни. Я прижалась лбом к ледяному стеклу, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь в чернильной темноте сада. Ничего. Только привычный пейзаж: качели под яблоней, грядки с увядшими цветами да темная стена леса вдалеке.

И в этот момент звук вернулся.

Но теперь он был другим. Не гудение и не визг. Это было тихое, методичное царап-царап-царап. Звук был таким реальным и близким, что я отшатнулась от окна с испуганным

вскриком. Казалось, что кто-то прямо сейчас водит чем-то острым по стеклу с другой стороны.

Царап-царап-царап.

Я стояла посреди комнаты, парализованная ужасом. Рука сама потянулась к выключателю настольной лампы. Щелчок показался оглушительным в ночной тишине.

Яркий свет залил комнату, прогоняя тени по углам.

За окном никого не было.

Только темнота. Но эта темнота казалась гуще обычного. Она была плотной, почти осязаемой. Она не просто скрывала предметы — она поглощала свет от фонаря на крыльце в нескольких метрах от окна. И в этой чернильной массе я вдруг уловила движение. Не тень от ветки, а именно движение самой темноты. Она медленно стекала вниз по стеклу, словно густая смола или нефтяное пятно на воде.

Я смотрела на это несколько секунд, не в силах отвести взгляд или закричать. А потом темнота просто исчезла, растворившись в ночи так же бесследно, как и появилась.

Я выключила свет и легла обратно в кровать, натянув оде-

яло на голову. Я больше не пыталась анализировать звуки или искать им логичное объяснение. Я знала правду. Они были здесь. Они пришли за Андреем и теперь они были рядом со мной. И этот звук... это царап-царап-царап по стеклу... это была не угроза.

Это было приглашение.

Глава 3: Макс и звёзды

Макс, наш местный гений, всегда был погружён в свои компьютеры, спутники и астрономические карты, которые покрывали все стены его комнаты. В то время как другие подростки тусовались на футбольном поле или в торговом центре, Макс сидел в своей «пещере» — так мы называли его подвал, переоборудованный в лабораторию. Он был из тех людей, кто говорит, что звёзды влияют на всё, что даже самые незначительные события на Земле — от забытой дома тетрадки до внезапного дождя — имеют свои космические корни и гравитационные резонансы. Мы часто посмеивались над ним, но в глубине души уважали его одержимость. Он видел мир иначе, и сейчас мне отчаянно нужен был именно такой взгляд.

Когда я пришла к нему, чтобы спросить, не видел ли он Андрея или не слышал ли чего-то странного в городе, я ожи-

дала увидеть привычную картину: Макса, сгорбившегося над клавиатурой в наушниках. Но то, что я застала, было похоже на контролируруемую панику. Он был взбудоражен до предела.

Его комната напоминала центр управления полётами в миниатюре. Три монитора светились разными окнами: на одном — карта нашего городка с пульсирующими красными точками, на втором — какие-то сложные графики с пиками и провалами, а на третьем — симуляция звёздного неба. Воздух был тяжёлым от запаха озона и дешёвой лапши быстрого приготовления.

— Макс! — позвала я с порога.

Он резко обернулся. Его глаза за стёклами очков были расширены от возбуждения и страха. Он даже не снял наушники, из которых доносился тихий, монотонный писк.

— Лиза! Ты не поверишь! — он даже не поздоровался, сразу перейдя к делу. Он тыкал пальцем в экран с графиками так яростно, словно хотел проткнуть его насквозь. — Я собирал данные. Всё, что мог найти: полицейские сводки о пропавших без вести за последние полгода, сообщения о странном поведении животных из ветклиник, даже жалобы в электросети на скачки напряжения. И я наложил это вот на это!

Он схватил мышь и быстро вывел на главный экран другой график — зелёную ломаную линию с тремя резкими, острыми пиками.

— Это данные геомагнитной активности из обсерватории. Слабые флуктуации поля. Смотри! Пропажи людей, животных... они совпадают с аномалиями в магнитных полях Земли. Пик к пику! День в день! Это статистически невозможно. Вероятность такого совпадения — один к миллиону.

Я подошла ближе к экрану. Красные точки на карте города действительно выстраивались в странный узор, который пульсировал в такт зелёным всплескам на графике.

— Но это ещё не всё, — его голос понизился до шёпота, хотя он был один в комнате. Он переключил окно на звёздную карту. Я увидела знакомое созвездие Ориона. — Знаешь, когда это началось? Примерно тогда же, когда произошло это редкое сближение двух планет в созвездии Ориона. Я проверил эфемериды на сто лет вперёд и назад. Такое сближение бывает раз в несколько столетий. Они выстроились в линию с нашим Солнцем.

Он ткнул пальцем в две светящиеся точки на экране.

— Это создало что-то вроде гравитационной линзы или коридора... Я не знаю точно! Мои расчёты показывают искривление пространства-времени в нашем секторе галактики. Это... это не просто совпадение. Это, как если бы мы открыли дверь и включили свет для кого-то, кто находится очень-очень далеко.

Макс снял наушники и бросил их на стол. Писк прекратился, но тишина показалась ещё более зловещей.

— Лиза... я думаю, они не из нашего мира. То, что забирает людей... оно пришло оттуда. Звёзды открыли им путь.

Я стояла и смотрела то на испуганное лицо Макса, то на пульсирующие графики на экране. Его слова были безумием, научной фантастикой, бредом сумасшедшего гения. Но они идеально ложились на страницы дневника Андрея, на мой собственный страх и на ту ледяную пустоту внутри меня. Космический коридор. Дверь, открытая звёздами.

— Макс... — мой голос дрогнул. Я достала из кармана дневник брата и протянула ему. — Андрей знал об этом раньше нас. Он писал про шёпот и тени. Он пошёл искать их в лес.

Макс взял блокнот дрожащими руками. Пока он читал,

я смотрела на карту звёздного неба на экране. Три планеты в созвездии Охотника смотрели прямо на меня. И впервые за всё это время моя ледяная злость начала смешиваться с чем-то новым — с ужасом перед масштабом происходящего. Это было больше, чем убийца в лесу. Это было вторжение из бездны космоса. И мой брат шагнул ему навстречу первым.

Глава 4: Аня не верит

Я нашла Аню на заднем дворе её дома. Она сидела на старых, выкрашенных в синий цвет качелях и методично раскачивала ногой пустую пластиковую бутылку, лежащую на земле. Звук был монотонным и раздражающим — шорк-шорк-шорк по бетону. Этот звук идеально отражал моё внутреннее состояние: бесконечное, сводящее с ума повторение одних и тех же мыслей. Я знала, что она там. Я знала, что ей так же паршиво, как и мне, просто она справлялась с этим по-своему.

Я подошла и села на соседние качели. Цепи жалобно скрипнули. Аня даже не повернула головы. Она продолжала пинать бутылку, глядя куда-то в пустоту.

— Ань, — тихо позвала я.

Она резко остановила ногу. Бутылка откатилась в угол

двора и замерла. Тишина, повисшая, между нами, была густой и тяжёлой. Я набрала в грудь воздуха и выпалила всё, что узнала от Макса, стараясь говорить быстро и сбивчиво, пока не растеряла всю решимость. Я рассказала ей про графики магнитных полей, про планеты в созвездии Ориона, про «гравитационный коридор» и про то, что Андрей, возможно, не просто заблудился, а столкнулся с чем-то, что пришло из космоса.

Когда я закончила, Аня медленно повернула голову и посмотрела на меня. В её взгляде не было ни удивления, ни интереса. Только холодная, усталая насмешка.

— Инопланетяне, Лиза? Серьёзно? Ты же знаешь, что это бред.

Её слова прозвучали как пощёчина. Это был тот самый тон, которым она обычно отчитывала меня за невыученный урок или разбитую чашку — уверенный, немного снисходительный тон старшей сестры. Она всегда была скептиком. Если мы с Андреем верили в городские легенды про Чёрного Человека из шахт, то Аня лишь закатывала глаза и говорила, что это всё пьяные байки лесорубов.

— Ты же умная девушка, — продолжила она, спрыгивая с качелей и поворачиваясь ко мне лицом. — Ты же понима-

ешь, что Макс просто пересидел за своими компьютерами. У него мозги набекрень от всей этой фантастики. Андрей просто заблудился в лесу, или... ну, всякое бывает. Может, он встретил плохих людей. Это ужасно, но это реальность. А ты... ты просто ищешь сложные объяснения там, где их нет. Не надо придумывать себе страшилок из космоса, чтобы не думать о том, что он может быть... — она запнулась, её голос дрогнул на последнем слове.

Она скрестила руки на груди, словно пытаясь защититься от моих слов и от того ужаса, который они несли. Её лицо было бледным, а под глазами залегли тёмные круги от бессонных ночей.

Её слова были как ледяной душ. На секунду я даже почувствовала укол сомнения. Может, она права? Может, я действительно схожу с ума от горя? Но потом я посмотрела ей прямо в глаза. И я увидела это.

За маской холодного скептицизма, за стеной из логики и здравого смысла я увидела промелькнувший испуг. Настоящий, животный ужас. Он был там лишь долю секунды — расширившиеся зрачки, едва заметное напряжение мышц челюсти — но я его уловила. Она говорила мне не верить в инопланетян не потому, что сама в это не верила. Она говорила это потому, что боялась поверить.

Она тоже боялась. Просто не хотела признавать этого. Признать существование того, о чём говорил Макс и писал Андрей, означало признать, что мир больше не безопасен. Что правила изменились. Что её брат мог стать жертвой чего-то настолько чуждого и непостижимого, что человеческий разум просто отказывался это принимать.

Я встала с качелей и подошла к ней вплотную.

— Ты боишься, Аня, — тихо сказала я. Это был не вопрос.

Она дёрнулась, как от удара током, и попыталась отступить назад, но упёрлась спиной в ствол старой яблони.

— Нет! Это всё чушь! — её голос сорвался на фальцет.

— Ты каждую ночь проверяешь замки на окнах по три раза. Ты вздрагиваешь от каждого шороха за окном. Ты боишься темноты так, как никогда раньше не боялась. И ты злишься на меня не потому, что я говорю глупости. Ты злишься потому, что я заставляю тебя посмотреть в глаза тому страху, который ты так старательно прячешь даже от самой себя.

Я видела, как её губы дрожат. Вся её броня дала трещину.

— Андрей знал об этом... до того, как пропал. Он писал об этом в своём дневнике. Он слышал шёпот из леса.

Я протянула ей блокнот брата.

— Прочти это. Не для того, чтобы поверить мне или Макссу. Прочти это для того, чтобы понять своего брата.

Аня смотрела то на дневник в моей руке, то мне в глаза. Её гнев испарился, оставив после себя лишь пустоту и страх. Наконец её рука медленно поднялась и дрожащими пальцами взяла блокнот. Она прижала его к груди так же, как я прижимала его к себе несколько дней назад.

Она мне не поверила. Но она больше не могла делать вид, что ничего не происходит. И это было первым шагом к тому, чтобы мы стали командой. Командой напуганных детей перед лицом чего-то невообразимого.

Глава 5: Первый след

Мы с Максом решили пройтись по краю леса. Это была не самая блестящая идея, особенно в свете его недавних открытий про гравитационные коридоры и ночных хищников, но сидеть в четырёх стенах и ждать, пока что-то случится, было невыносимо. Мы выбрали место, где Андрей лю-

бил гулять — старую, едва заметную тропинку, которая начиналась за заброшенным футбольным полем и уходила в сумрачную тень первых сосен. Макс настоял на том, чтобы взять с собой его старый, тяжелый налобный фонарь и самодельный «детектор аномалий» — переделанный счетчик Гейгера, который теперь пищал на любое изменение электромагнитного фона.

Было тихо. Слишком тихо. Это была не та умиротворённая тишина осеннего леса, к которой я привыкла с детства. Это была мёртвая, давящая тишина склепа. Не было слышно ни привычного пения птиц, ни стука дятла, ни даже шелеста листвы под лапками белок. Казалось, сама природа затаила дыхание, боясь привлечь к себе внимание. Воздух был неподвижным и тяжёлым, пахло сухой хвоей и чем-то ещё... сладковатым, гнилостным, как от давно увядших цветов. Этот запах вызывал лёгкую тошноту.

Мы шли медленно. Макс светил фонарём под ноги и по сторонам, его прибор в рюкзаке изредка издавал тихое, встревоженное потрескивание. Я просто смотрела вперёд, вглядываясь в полумрак между деревьями. Каждый куст казался притаившейся фигурой, а каждая причудливая тень от ветвей — неведомым знаком. Я чувствовала, как ледяная злость внутри меня начинает таять, уступая место липкому, холодному страху. Я была здесь чужой.

— Лиза, смотри! — шёпот Макса был таким резким, что я чуть не подпрыгнула.

Он остановился и направил луч света на землю справа от тропинки. В круге света среди опавших, сухих листьев и мелкого мусора что-то блеснуло. Я бросилась вперёд, не обращая внимания на предостерегающий окрик Макса.

Это был он. На земле, словно брошенный за ненадобностью мусор, лежал браслет Андрея. Тот самый браслет из чёрной кожи с серебряными заклёпками-пластинами, который я подарила ему на день рождения в прошлом году. Я помнила, как долго его выбирала, как он улыбался, когда я застёгивала его на запястье.

Я упала на колени прямо в грязь и дрожащими пальцами подняла его. Он был цел. Ни единой царапины на коже, ни одного потёртого звена. Но в то же время он казался каким-то... неправильным. Потускневшим. Серебро заклёпок больше не блестело вызывающе и дерзко; оно покрылось каким-то сероватым налётом, похожим на патину или тонкий слой пыли. Кожа была сухой и безжизненной, словно из неё выкачали всю влагу и цвет.

— Он был на нём? — тихо спросил подошедший Макс.

Я покачала головой. — Нет. Он никогда его не снимал. Даже в душе... Он говорил, что это его талисман.

Я перевернула браслет. На внутренней стороне была небольшая гравировка: «Сестра — это навсегда». Я провела по буквам пальцем. Они были холодными как лёд.

Внезапно детектор в рюкзаке Макса разразился пронзительным, непрерывным писком. Звук был таким громким и неестественным в этой оглушающей тишине, что мы оба вздрогнули. Макс торопливо сбросил рюкзак с плеч и вытащил прибор. Стрелка на маленьком экране зашкаливала в красную зону.

— Здесь что-то есть! — прошептал он, водя счётчиком из стороны в сторону. Писк становился тише, когда он отворачивался от того места, где я нашла браслет, и оглушительно громким, когда направлял его туда.

Я снова посмотрела на браслет в своей руке. Он больше не казался мне просто вещью. Он был следом. Первым настоящим следом моего брата с того момента, как он исчез. И этот след вёл не к спасению. Он вёл вглубь леса.

Туда, где деревья стояли так плотно, что их кроны пол-

ностью закрывали небо. Туда, где царила вечная тьма. Туда, откуда доносился шёпот из бездны.

Я сжала браслет в кулаке так сильно, что костяшки пальцев побелели. Ледяная злость вернулась ко мне с новой силой, смешиваясь с решимостью. — Пойдём дальше, — сказала я, поднимаясь на ноги и пряча браслет в карман куртки. — Мы должны узнать, что здесь произошло.

Глава 6: Лес хранит тайны

Мы шли уже около получаса, и с каждым шагом тропинка, по которой мы двигались, становилась всё менее различимой. Под ногами уже не было утоптанной земли — лишь пружинистый ковёр из опавшей хвои, влажного мха и гниющих веток, которые предательски хрустели под подошвами, нарушая неестественную тишину. Лес вокруг нас перестал быть знакомым. Это был уже не тот лес, где мы собирали грибы с отцом или катались на велосипедах. Он казался живым, но эта жизнь была враждебной, древней и совершенно чуждой человеку.

Деревья стояли плотной, почти монолитной стеной. Могучие сосны и ели, чьи кроны терялись в сумрачной вышине, тянули к нам свои корявые, чёрные ветви, похожие на скрюченные пальцы. Они переплетались над нашими головами,

создавая мрачные, готические узоры на фоне серого неба, сквозь которые пробивались лишь редкие, блеклые лучи света. Казалось, мы идём по длинному, сырому коридору, стены которого медленно сдвигаются, пытаясь нас раздавить.

Воздух был тяжёлым и неподвижным. Он был пропитан густым, терпким запахом сырой земли, прелых листьев и смолы. Но к этому знакомому аромату примешивалось что-то ещё... что-то чужое и крайне неприятное. Это был едва уловимый сладковатый запах гнили, похожий на вонь разлагающегося мяса или увядших цветов, слишком долго простоявших в вазе. Этот запах вызывал лёгкую тошноту и оседал на языке металлическим привкусом. Он был здесь повсюду, словно сам лес был одной большой гниющей раной.

Я чувствовала, как по спине пробегает холодок. Это был не просто страх перед неизвестностью. Это было инстинктивное, животное чувство опасности. Моё тело кричало мне: «Беги! Уходи отсюда! Ты здесь чужая!». Я плотнее запахнула куртку, хотя воздух был влажным и тёплым. Макс рядом со мной тоже притих. Его обычная болтовня о спектральном анализе и магнитных аномалиях сошла на нет. Он лишь молча светил фонарём по сторонам, и в его молчании было больше тревоги, чем в любых словах.

Я остановилась и положила руку ему на плечо. Он вздрог-

нул. — Ты чувствуешь это? — прошептала я. — Что именно?
— так же тихо ответил он.
— Лес... он смотрит.

Макс нервно усмехнулся, но в его смехе не было веселья. — Это просто эффект клаустрофобии. Густая растительность, недостаток света... — Нет, — перебила я его. — Послушай.

Мы замерли. Тишина была абсолютной. Ни шороха ветра в кронах, ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Даже наши собственные дыхания казались оглушительно громкими.

И тут я поняла. В этой тишине было что-то ещё. Она не была пустой. Она была насыщенной. Словно сам воздух был пропитан вниманием. Тысячи невидимых глаз наблюдали за нами из-за каждого ствола, из каждой тени под кустом. Лес не просто хранил тайны — он был ими. Он был живым архивом боли и ужаса всех тех, кто исчезал здесь до нас. И теперь он изучал нас: две новые души, забредшие в его владения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.